

Отзыв официального оппонента
на диссертационную работу Ивана Николаевича Ершова
«Формирование и развитие Смоленска до середины XIII в. по данным археологии»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология.

Тема диссертационной работы – начальная история Смоленска – исключительно актуальна для отечественной археологии с ее вековыми учеными спорами вокруг славянской колонизации лесной зоны, варяжской проблемы, «переноса» древнерусских городов и роли церкви в их становлении, взаимоотношения княжеской и вечевой власти. Центральное положение Смоленска в русских землях и на пути из варяг в греки позволяет на его примере подобрать ключи к решению этих вопросов. Наконец, за смоленской тематикой стоит неисчерпаемое Гнёздово, поднимающее проблемы на уровень общеевропейских задач по изучению эпохи викингов.

Актуальность работы И. Н. Ершова обусловлена также практической необходимостью систематизации накопленной информации о культурном слое Смоленска.

Текст имеет традиционную структуру: введение, три главы, заключение, список литературы и альбом. Диссертация содержит 5 приложений, важнейшими из которых является «Приложение 1 «Каталог археологических исследований культурного слоя Смоленска в период 1951-2017 г.» и Приложение 5 «Каталог дат 14С археологических объектов древнерусского Смоленска».

И. Н. Ершов обозначает две рабочие гипотезы, выносимые им на защиту. Первая проста и понятна: «предположение о локализации древнейшего поселенческого ядра города на Соборной горе и в ее окрестностях» (стр. 7). Это, безусловно, «точка перспективы» работы, и на этом пути соискателем достигнут неоспоримый успех. Основой его стали небольшие по размаху, но результативные (благодаря высокому методическому уровню) полевые исследования автора в Смоленской экспедиции ИА РАН в 2014-2017 гг. Автор упоминает о 10 изученных за эти годы объектах, использованных в диссертации (правда, в следующем за упоминанием перечне всего 9 пунктов – стр. 35-37).

Вторая гипотеза выглядит не очень отчетливо: «предположение о возможности анализа поселенческой активности на территории города в VIII – 1-й трети XIII вв. на основе анализа материалов археологических исследований» (стр. 7). Вряд ли можно усомниться в такой возможности, поскольку она заключает в себе принципиальный смысл любого археологического исследования. Может быть, речь о том, что кто-то из коллег усомнился, достаточно ли накоплено материала для научных умозаключений? Думаю, соискателю удалось рассеять эти сомнения.

Суть второй гипотезы явно в ее хронологической составляющей. В науке давно и прочно утвердилось мнение об отсутствии на территории Смоленска сколько-нибудь значимого поселения вплоть до второй половины XI в. (Авдусин 1991; Нефёдов 2012), хотя находки дирхемов, как будто, обещали его открытие. Говоря о «поселенческой активности» на территории города с VIII в., автор привносит в дискуссию о начале Смоленска новаторский взгляд.

Работа И. Н. Ершова построена целиком на материалах раскопок. Археологические данные, полученные автором в 2014-2017 гг., весьма интересны и новы. Солидная база для

историко-географических выводов: проанализированы все отчеты раскопок 1951-2017 гг. (170 томов отчетов – стр. 38).

В качестве источников, помимо археологических, соискатель обещает привлечь данные геобурения, геоморфологии и другие материалы естественно-научного характера (стр. 13, 42). В дальнейшем, однако, ни карт палеорельефа, ни геоморфологических и почвенных карт, ни спорово-пыльцевых диаграмм в работе не обнаруживается, встречаются кое-где в тексте лишь короткие ссылки на соответствующие публикации (например, на палеогеографическую работу: Ершова, Кренке 2017). Таким образом, перед нами оказывается традиционное историко-археологическое исследование.

Из всего естественно-научного арсенала в работе в полной мере задействован только радиоуглеродный анализ культурного слоя (привлекается 20 датировок). Взвешенное его использование соискателем следует особенно отметить в числе достоинств исследования. Очевидно, при нехватке датирующего материала для раннесредневековых памятников этот метод будет все больше выходить на первый план.

Диссертация открывается историографическим обзором (**Глава I**). Основной его объем посвящен исследованиям Смоленска. При этом автор справедливо указывает на важность широкого сравнительно-исторического подхода к изучению древнерусского города (стр. 16).

Коротко перебирая взгляды коллег, соискатель продолжает очень осторожно уточнять контуры своей главной рабочей гипотезы, намеченные во Введении. Из Главы I мы уясняем, что Смоленск видится ему как результат развития города из «гнезда поселений» с центром-городищем, подобно Киеву с его Замковой горой (стр. 20-21). Торгово-ремесленное Гнёздово же представляется скорее явлением привнесенным (стр. 22), и на какое-то время подавившим местное население, археологические следы которого представлены культурой смоленских длинных курганов (далее-КСДК).

Глава вызывает несколько замечаний. Квалификационный характер работы требует от соискателя некоторого углубления в общетеоретические аспекты историографии древнерусского города. В согласии с этим автор обращается к результатам исследований Старой Лядоги, Киева, Новгорода, Пскова, Полоцка и других городов в работах целого ряда исследователей (В. А. Булкина и Г. С. Лебедева, В. Н. Седых, Н. В. Лопатина, К. А. Михайлова, Е. Н. Носова, Е. А. Мельниковой, В. П. Петрухина, П. П. Толочко, В. Л. Янина, М. К. Каргера, А. В. Комара, Вал. В. Седова и др.) (стр. 16-22). Но несмотря на обилие ссылок, текст не содержит развернутого анализа взглядов этих авторов на столь различные по хронологии и культурно-историческому содержанию памятники. Фактически раздел состоит из кратких упоминаний ученых, обращавшихся к различным проблемам изучения древнерусского города.

Особенно мне не хватало при чтении главы историографии городов кривичского региона. Сложно, мне кажется, глубоко понять ранний Смоленск без анализа обстановки в огромном летописном кривичском ареале – во Пскове и Изборске, в Торопце, Луках, Усвяте, Витебске, Полоцке, Лукомле, Друцке, Минске, Браสลаве. С некоторыми из этих городов (Псков и Изборск, Луки и Городок на Ловати, Минск и Строчицкое городище) также связан спор о «переносе городов». Весьма интересна параллель между парами поселений Смоленск/Смядынь и Полоцк/Бельчица, позволяющая поразмыслить об общих аспектах взаимоотношений князя и городской общины. Именно здесь предложенный соискателем сравнительно-исторический подход мог бы дать интересные результаты

Наиболее значимой частью исследования, безусловно, является **Глава II**, где соискатель подводит итоги своим полевым исследованиям культурно-исторической доминанты Смоленска – Соборной горы.

Исследования И. Н. Ершова на Соборной горе увязывают в один узел «городскую» тематику и круг вопросов, связанных со временем и обстоятельствами славянского освоения территорий к северу от Днепра. Речь идет о преемственности развития между КСДК и древнерусской культурой XI – XII вв. (в данном случае – в ее городском воплощении). Дело в том, что в советской славянской археологии к началу 1990-х годов сложилась концепция так называемого «балтского пояса». В основе этой концепции лежали выводы исторической лингвистики (А. А. Зализняк, С. Л. Николаев) об «изолированном» формировании восходящего к праславянской эпохе древненовгородского диалекта на северо-западе Европейской России. Это можно было расценивать как свидетельство длительной оторванности славян псковско-новгородского региона от массива основного восточнославянского населения в Поднепровье. Надо отметить, что А. А. Зализняк, был очень осторожен в исторических объяснениях этого феномена, стремясь не выходить за рамки лингвистики (Зализняк 1986, 1988, 1993, 1995). Само понятие «изоляция» не было проработано применительно к восточноевропейским реалиям.

Однако, гипотеза, только начавшаяся разрабатываться лингвистами, была с энтузиазмом встречена археологами во главе с Вал. В. Седовым, обратившимися к поиску археологических подтверждений изолированного положения раннеславянских древностей Псковско-Новгородского региона по отношению к основным областям раннесредневекового славянского освоения в Среднем Поднепровье.

Сформировавшаяся в результате этих поисков теория «балтского пояса» как будто увязывала данные исторической лингвистики с археологическим материалом. Суть идеи сводилась к тому, что древности Верхнего Поднепровья и Подвинья вплоть до середины X в. атрибутировались как неславянские, преимущественно балтские. Возраст славянской подосновы древнерусской культуры на этих территориях виделся не старше X в. Фактически наисторическое бытие этой подосновы отпущалось всего столетия – два человеческих поколения.

Например Е. А. Шмидт связывал формирование КСДК с миграцией из области Латгалии в VIII в. Согласно его взглядам, в середине X в. КСДК прекращает существование, а в Верхнем Поднепровье появляется новое население (славянское), представленное круглыми курганами. Близкая точка зрения в Петербурге развивалась в трудах И. И. Ляпушкина и его учеников (В. А. Булкин, Г. С. Лебедев). В Москве похожей точки зрения придерживался Д. А. Авдусин (1991), считавший что КСДК «лишь в конце своего существования испытывает славянское влияние» и Л. В. Алексеев. На близких позициях стояли И. В. Белоцерковская (1975), В. В. Енуков (1990) и многие белорусские археологи.

Исследования последних 20 лет существенно подорвали основу концепции «балтского пояса». Здесь надо выделить четыре аспекта.

Во-первых, накапливаются данные о славянстве киевской культуры – подосновы нескольких групп восточноевропейских древностей, в том числе культуры псковских

длинных курганов и тушемли-банцеровщины (труды Н. В. Лопатина, А. Г. Фурасьева, И. О. Гавритухина, Р. В. Терпиловского).

Во вторых, больше стало данных о связях древностей тушемлинско-банцеровского круга с населением КСДК. Совместные находки керамики обнаруживаются не в курганных комплексах, а на поселениях. Отсутствие совместных находок в курганах говорит, видимо, о том, что курганный обряд в Верхнем Поднепровье широко распространяется позднее, чем предполагалось – преимущественно в IX в., а в Беларуси и позже. Период же взаимодействия традиций верхнего слоя Тушемли и КСДК приходится, надо думать, на VIII в.

В-третьих(и это особенно важно), выяснилось, что «керамика КСДК» преобладает в нижних слоях летописных древнерусских городов – таких как Псков, Полоцк, Витебск, Лукомль, Усвят, вероятно - древний Минск на Менке (работы С. В. Белецкого, Вал. В. Седова и Н. В. Лопатина, И. И. Еремеева). Население, использовавшее «керамику КСДК», в сущности, в IX – X вв. заселяло все древнейшие города Северо-Западной Руси в период их становления и нетоснований сомневаться в том, что в перечисленных городах говорили на славянском языке.¹ На этом фоне отличается только ранний керамический комплекс городов Поволжья– Ладоги и Новгорода, но это уже отдельная тема.

И последнее, четвертое, – работы Н. А. Плавинского в Белоруссии и В. С. Нефедова в Москве показали, что КСДК не исчезает в середине X в., а перерастает (хотя и не без потрясений) в древнерусскую курганную культуру. Следы в этой культуре элементов КСДК (в первую очередь лепная керамика) прослеживаются еще даже в начале XI в. (Плавинский 2017).

То есть, если угодно, КСДК это и есть ранняя древнерусская культура в Верхнем Поднепровье и Подвинье, скорее всего, славянская в своей подоснове. «Балтский пояс» распадается, и вопрос о соотношении данных археологии и лингвистики выходит, таким образом, на новый уровень. Встает вопрос о дальнейшем комплексном изучении феномена, «изоляции» древненовгородского диалекта.

Вывод И. Н. Ершова о формировании древнерусского Смоленска на базе аграрного поселенческого «гнезда» КСДК с необычно большим городищем в качестве военно-административного центра (стр. 87) – существенно подкрепляет эту новую, формирующуюся концепцию славянского расселения на Северо-Западе Европейской России, а именно – в третьем пункте ее логической цепочки.

Такова область, в которой, на мой взгляд, находится главная ценность и актуальность диссертации для восточноевропейской средневековой истории, область, в которой лежат перспективы дальнейшей работы. Но здесь же поджидают и трудности; и диссертант в первую очередь обращает внимание именно на них.

Сомнения, пожалуй, вызывает наличие на Соборной горе материалов VIII в. Как уже говорилось выше, основанием для выделения этого времени могло бы быть присутствие в комплексах КСДК элементов керамического комплекса тушемлинской культуры. Но в работе представлен только материал КСДК в чистом виде, что наводит на мысль скорее о IX – начале X в. Автор и сам не вполне уверен в VIII веке, подводя итоги Главы II, все же, датирует «догородской» период древнерусского

---

¹ Сам автор текста, считает, что население Смоленска было в XI в. «полиэтническим» (стр. 100), но позиции своей не поясняет.

Смоленска IX – нач. XI в. (стр. 87). Впрочем, материала пока слишком мало для категорических выводов.

Наиболее спорным местом главы Пи диссертации в целом является, конечно, выделение в Смоленске материалов второй половины X–первой половины XI в. Автор рецензируемой работы пытается выделить этот период, опираясь на керамику так называемых западнославянских типов, хорошо представленную в соседнем Гнёздове и на фрагментах сосудов с простейшей S-видной профилировкой, характерной как для западных, так и для восточных славян (группа 1 по Е. В. Каменецкой).

Керамики этой в Смоленске оказывается мало, но, по мнению автора, – достаточно, чтобы говорить о «преемственности традиций освоения поселенческого пространства» (стр. 66). Но представленный в качестве доказательства этой важной мысли материал очень невелик (илл. 28, 29, 31, 32). Количество керамики на таблицах малó (всего около 4-х десятков фрагментов, часть – сильно измельчена). Кроме того – мне кажется, вовсе нет уверенности в том, что подобная посуда не может существовать в более позднее время, во второй половине XI – XII вв. Во всяком случае, опыт моих небольших раскопок в недалеком от Смоленска Усвяте указывает на то, что «гнёздовская» керамика группы 1 по Е. В. Каменецкой (1991) доживает даже до XII в. (Еремеев 2015). Соискатель резонно отмечает, что «хронология ранней смоленской круговой керамики остается довольно расплывчатой» (стр. 94).

Главное же – отсутствует вещевой инвентарь X – начала XI вв. Карта находок этого времени включает только керамику. Известно, что другие находки этого времени есть (Авдусин 1991), но они единичны.

Таким образом, едва заключив о «преемственности» освоения раннегородского пространства, И. Н. Ершов вынужден сделать предположение о «провале» в археологических материалах второй половины X–начала XI в. в Смоленске (стр. 91). Складывается впечатление, что финальный расцвет Гнёздова – это время упадка Смоленска, хотя последний, очевидно, в это время в каком-то виде существовал. Показателем этого упадка может служить факт запахивания жилого участка на одной из террас Соборной горы, которое происходит как раз в конце X–середине XI в. (стр. 56-57). Это указывает, видимо, на то, что значение Соборной горы как укрепления в этот период падает и люди уже не стремятся селиться под его защитой.

Как увязать два этих вывода – о «преемственности» и «провале»? Автор показывает, что на этот вопрос ответа пока нет.

Еще одной загадкой Смоленска является взрывообразный рост его населения во второй половине XI в., когда отдельные поселения сливаются в одно, а протяженность жилой зоны на левобережье достигает 2 км. Фиксация на карте этого «демографического взрыва» является весьма большим достижением соискателя (илл. 11). Можно увидеть – как разом возник древнерусский город. Ситуация чем-то напоминает Новгород столетием раньше. Но вопрос о причинах наплыва населения в окрестности Соборной горы пока остается без ответа.

Несмотря на все остающиеся загадки, само выявление этой пульсации жизни вокруг Соборной горы является еще одним эффектным достижением И. Н. Ершова и важным шагом вперед в изучении Смоленска и Гнёздова.

Заключительный раздел диссертации (**Глава III**) посвящен динамике территориальной структуры домонгольского Смоленска. Несомненно научное значение

созданных соискателем четырех хронологических срезов, отражающих рост площади отложения культурного слоя в VIII–X вв., в конце X – первой половине XIV., второй половине XIV. и XII – XIII вв. (илл. 1, 2, 8, 10-12, 14).

Мне не приходилось углубляться в огромный и еще не опубликованный материал раскопок Смоленска XI – XIII вв., поэтому московские исследователи города оценят посвященную этому времени часть работы лучше меня. Хотелось бы сосредоточиться на критике взглядов соискателя на начальный Смоленск КСДК.

Он видится соискателю как совокупность четырех-пяти открытых поселений, сгруппированных вокруг крупного городища на Соборной горе. Какие-то группы населения размещались вплотную к городищу (в том числе на террасах горы), какие-то – селились поодаль на соседних горах и в приустьевых частях выходивших к Днепру оврагов. Автору удалось показать, что это именно отдельные обусловленные рельефом «поселенческие участки», а не единое пятно культурного слоя (стр. 89). Поселения носили, видимо, аграрный характер. Это подтверждает спорово-пыльцевой анализ культурного слоя из раскопок на склонах Соборной горы (стр. 90, Ершова, Кренке 2017).

В этом месте работы мне очень нехватало сводки находок раннего железного века и второй – третьей четверти I тыс. н. э. с территории Смоленска и его пригородов. Мне кажется, соискателю следовало бы не только прислушаться к мнению Ф. Э. Модестова, утверждающего, что на Соборной горе существовало городище РЖВ, но и дополнить его наблюдения.² Эти находки могли бы оказать существенное подспорье в выявлении древнейших зон расселения в черте города.

На повестке дня стоит и карта памятников I тыс. н. э. окрестностей города, подобная той, которая была выполнена, например, Е. Н. Носовым для округа Новгорода или Н. А. Кренке для Москвы. Без такой работы поселенческое «гнездо» с центром на Соборной горе как бы повисает в воздухе. Неясны его границы и размеры.

Действительно, работа оставляет за рамками тот факт, что городище на Соборной горе является частью системы городищ, которых по берегам Днепра в черте Смоленска известно еще 3 (Лестровка и два Рачевских городища). Чуть подалее лежат еще два городка – Вязовенька и Колодня. По крайней мере, на трех из них выявлены материалы третьей четверти I тыс. н. э. (Працы 1930; АКР 1997), что, в сущности, включает их в хронологические рамки диссертации, если уж брать VIII в. за нижнюю хронологическую границу.

Автор неоднократно сравнивает Соборную гору с Замковой горой Киева (стр. 20-21, 61). Не оспаривая эту далекую параллель, скажу, что при чтении раздела о Соборной горе мне в первую голову не хватало сравнения ее с близлежащими городищами Верхнего Поднепровья второй половины I тыс. н. э., которые очень неплохо изучены. Дело в том, что можно согласиться с выводом автора об экстраординарном характере этого укрепления. Об этом говорят и размеры городища на Соборной горе, и такая черта, как размещение построек на его террасированных (первоначально, несомненно, с оборонительной целью) склонах, и находки арабских монет, в частности,

---

²Соискатель пишет: «находки раннего железного века, действительно обнаружены в единичных экземплярах в последние годы <...>, но это пока не дает никакого основания утверждать, что поселение этого времени там действительно существовало» (стр. 32).

сасанидской драхмы VII в. в постройке, раскопанной И. Н. Ершовым (правда, монета почему-то осталась не определенной – из-за плохой сохранности?).

Остается сожалеть, что автор не составил хотя бы таблицы сравнительных размеров и формы городищкультуры тушемли и КСДК. Это позволило бы, мне кажется, несколько прояснить и вопрос о древнейших фортификациях Соборной горы. Так, И. Н. Ершов утверждает, что выявленные им террасы-подрезки не элементы фортификационной системы, а площадки, создававшиеся для застройки (стр. 54). Думаю, сравнение с другими городищами сразу привело бы исследователя к обратному выводу. Действительно – именно эскарпировка являлась основным фортификационным приемом в лесной зоне Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. А вот наличие традиции создания специальных рукотворных жилых террас вызывает сомнения. Скорее уж террасы оборонительных эскарпов могли со временем использоваться для различных построек. Хотя единичные примеры обживания склонов городищенского холма известны – взять хотя бы знаменитое городище Дедиловичи в верховьях Березины.

И. Н. Ершов уверен, что поселение на Соборной горе и вокруг нее является по своим размерам самым крупным в ареале КСДК (до 4 га, из них 2,4 га – городище) (стр. 62). Тут бы самое место дать сравнительный анализ площадей поселений, ведь в «ареале КСДК» находятся такие крупные древнерусские памятники как Браславль, Лукомль, Витебск, Друцк, Торопец. Да и Полоцк можно при желании приписать к «ареалу КСДК». Сравнение топографии Смоленска с топографией этих поселений сразу поместило бы его в определенный контекст. Пожалуй, Соборная гора действительно окажется самым крупным городищем. Сложность в том, что мы не знаем точно – как далеко простиралось укрепление Соборной горы на юг в эпоху КСДК? Ведь происхождение и датировка рва, отрезающего гору от коренного берега, так до сих пор и не выяснены (стр. 108).

Глава III завершается разделом, посвященным древнерусским памятникам монументального зодчества. Автор сопоставляет топографию храмов с ареалом культурного слоя и приходит к выводу о том, что храмовое строительство в Смоленске в XII–середине XIII в. осуществлялось в пределах городской застройки (стр. 120). Этот вывод является существенным достижением автора.

Замечания здесь сводятся к одному главному пункту. Соискатель включает в текст раздел, посвященный еще не найденным памятникам монументального зодчества Смоленска и невыявленным участкам его культурного слоя (стр. 120-127). Автор прогнозирует выявление древнерусских храмов там, где есть древнерусский слой, и выявление слоя там, где известны следы каменного строительства. Археологические работы на этих участках минимальны, в основном автор ограничивается лишь тем, что «намечает перспективные узлокализованные поиски в городе еще около 16-17 неизвестных древнерусских храмов» (стр. 127). Раздел изобилует такими формулировками как «нельзя исключать вероятности обнаружения», «не исключена вероятность выявления», «возможно обнаружение», «есть шансы на выявление» и т. п.

Вполне допускаю, что автор и прав в своих гипотезах. Но научную ценность они приобретут только тогда, когда хотя бы в некоторой степени будут проверены. Простой перечень предположений, может быть и нужен для работы в области экспертизы и сохранения культурного наследия, но в научном труде он может играть лишь вспомогательную роль. Возможно, следовало бы выделить эту «прогнозную» часть работы в отдельное приложение.

Имеется в этом перечне небольшой, но досадный промах. Для локализации Крестовоздвиженского монастыря в Заднепровье используется местная легенда о «провалившейся церкви» (стр. 124). Нет сомнений, что это хорошо знакомое фольклористам и археологам предание на Смоленщине связано с мифологическим народным восприятием древних городищ, а не церквей. В черте города к востоку и западу от Заднепровья на правом берегу известно как минимум два городища (Вязовенька и Лестровка). В городских условиях этот мифологический сюжет, видимо, и потерял свой «адрес». С каким-то городищем, вероятно, связано и название реки «Городянка», впадающей в Днепр справа несколько ниже Соборной горы.

У труда И. Н. Ершова есть важный аспект. Научно обоснованные представления о динамике развития города необходимы для планирования охранных археологических работ и должны стать основой для разработки историко-археологического опорного плана Смоленска и закона о границах охранной зоны. Это жизненно важно для сохранения культурного слоя Смоленска. Данной задаче отвечает серия карт (илл. 1, 2, 8, 10-12, 14) и Приложение 1. Можно сказать, что и с этой задачей автор справился успешно.

Текст написан хорошим литературным языком и легко читается. Стилистические огрехи, вроде «истоков формирования костяка» на стр. 100. – единичны.

Приложения, содержащие исходный материал, позволяют проверить основные выводы автора. Особенно нужно отметить Приложение 1 (стр. 134 – 173), представляющее удобный путеводитель по накопленному несколькими поколениями исследователей фонду археологических источников. Каталог содержит информацию о 187 объектах на территории Смоленска, исследованных раскопками с 1951 по 2017 гг. По каждому раскопу указано наличие датирующих находок для периода с эпохи раннего металла до XVIIIв.

Приложение 2 содержит статистические таблицы керамики из раскопок автора 2014-2017 гг. (11 объектов).

Приложения 3 и 4 представляют каталог памятников монументального зодчества Смоленска XII – XIIIвв. (фактически служащий легендой к картам распространения культурного слоя и каменных построек) с комментариями. Таблица выстроена по материалам исследований Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта. Новыми данными в этом блоке материала являются описания раскопок автором двух древнерусских храмов: Васильевского храма на Смядыни (2015 г.) и Лазаревской(?) церкви у северо-восточного подножия Соборной горы (2014 г.).

Работа прекрасно иллюстрирована. Рисунки и фотографии дают хорошее представление о керамическом материале. Из недоработок в альбоме иллюстраций можно отметить следующее: легенда на илл. 10 не соответствует содержанию рисунка и подписи под ним.

Особенностью работы является некоторый привкус «полевой отчетности» в альбоме иллюстраций. Например, в подписях к ряду рисунков находок (илл. 27-29 и др.) оставлены ссылки на полевые описи, которые к диссертации не приложены. Впрочем, такая организация альбома не лишена логики, поскольку, при желании проверить выводы автора, можно использовать диссертацию при работе с его полевой документацией. Продолжая придирается, скажу, что качество карт во многом теряется из-за стремления соискателя «втиснуть» их в формат А4. Вероятно, серия опорных планов лучше бы выглядела в формате А3. Разумеется, в электронной версии этот недостаток пропадает.

Последнее замечание касается небольшой небрежности в оформлении научного аппарата диссертации. Он представлен двумя блоками материала: «Список использованных архивных материалов» (стр. 199 – 205) и «Список литературы» (стр. 206 – 235). В первом разделе, наряду с полевыми отчетами, оказались публикации источников (Повесть временных лет, Литовская метрика и пр.) (стр. 204 – 205). Следовало бы оговорить их присутствие в заглавии, а лучше ввести в аппарат третий раздел: «Источники».

И, наконец, общее впечатление от диссертационного исследования. В результате большой работы, И. Н. Ершову удалось, на мой взгляд, обосновать свои главные гипотезы, высказанные во вводной части. Весомый вклад соискателя в решение проблемы происхождения Смоленска, несомненно, сделан. Смоленск, вырастающий из «гнезда» аграрных поселений КСДК на протяжении IX – XI вв., становится полноценным элементом современного научного дискурса.

Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку исследования. Они носят преимущественно дискуссионный или технический характер и свидетельствуют о том, что работа открывает множество перспективных путей для дальнейшего исследования. Важной особенностью работы является, как мне кажется, и то, что соискатель не пытается завуалировать спорные места в системе аргументации, а напротив заостряет на них внимание.

Основные результаты диссертации И. Н. Ершова представлены в публикациях, в том числе в 4 статьях в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК. Автореферат диссертации ясно и четко отражает структуру, основное содержание и выводы работы.

Диссертационная работа И. Н. Ершова представляет законченное научное исследование, обладает новизной для археологической науки и практической значимостью в деле сохранения отечественного культурного наследия, полностью соответствует всем требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней». И. Н. Ершов достоин присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

старший научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института истории материальной культуры
Российской академии наук

И. И. Еремеев

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук (ИИМК РАН),
телефон: +7(812)571-50-92; e-mail:
admin@archeo.ru

